

ЖИЗНИ
каждого че-
ловека бывают
дни, когда нахлы-
нут на него

воспоминания и он задумывается о том, что было, какой все это имело смысл, какое имело значение в его жизни, в его судьбе, в жизни и судьбе его народа. Не бывает в нашей жизни более значительного дня, чем великий Октябрьский праздник — века, которую мы проходим, оглядываясь назад, взвешивая и оценивая пройденное, но уже пытаясь рассмотреть и будущее. Но думая о трудностях следующего этапа, мы не пугаемся, ибо пройденное вселяет в нас уверенность в будущем.

Первые послереволюционные годы врезались в мою память четко и навсегда. События были потрясающими, сказочными, необыкновенными и вместе с тем такими простыми, такими повседневными. Они подступали к моей жизни, к моему сердцу так близко, что впечатления первых лет Октябрьской революции оказались более яркими и рельефными, чем те, которые я пережил вчера, третьего дня, пять лет назад. Я начинал свою сознательную жизнь вместе с Октябрем. Может быть, этим и нужно

объяснить силу впечатлений и крепость воспоминаний.

Когда я хочу вызвать в памяти образ первых революционных лет, то я вспоминаю картины жизни, связанные с тем, что мы называем культурной революцией. Эти картины переполнены солнечным светом, они величественны, трогательны, — а порой и юмористичны. Все величие и трогательность тех лет и тех событий заключаются в страстном стремлении народа к светлой, культурной, интересной жизни.

В таком сравнительно небольшом городе, как Саратов, в 1918—1919 гг. одновременно работали оперный и четыре драматических театра, не считая многочисленных клубов, маленьких театриков и концертных залов (чаще всего в зданиях школ, по вечерам), и, кроме того, две театральные студии, куда было подано больше тысячи заявлений.

Городские типографии изнемогали от напряжения. Нужно было выпускать не только громадное количество продовольственных карто-

чек, но и страшное число театральных билетов, афиш, программ.

Кроме известных и знаменитых тогда плакатов вроде: «Вошь — враг трудящихся» или «Почему ты не на фронте?», нужно было еще печатать огромными тиражами на желтой оберточной бумаге сборники стихов местных поэтов. Не помню, кто был автором стихов, которые я тогда декламировал в каком-то красноармейском или рабочем клубе, но в них были и торжественный пафос, и искреннее чувство:

Вы,
чьи развернутые плечи
пространств
разжаты
Протуберанц!
Эй!
Поджигатели!
Предтечи!
Вкрутитесь
в вихрь
Космических танц!

Зал выслушивал эти стихи уважительно, внимательно и недоуменно. Зато после этих торжествен-

Б. БАБОЧКИН,
народный артист СССР

□ □

ных фанфар звучали скромные и не слишком поэтические строки другого, забытого теперь поэта:

Дорогие товарищи,
Ивановы и Сидоровы,
Пришедшие к власти
Из рабочих кварталов,
Куете радость
Рабочего мира вы,
Вы зажигаете пламя
Мировых пожаров...

Здесь уж зал выражал свой полный восторг и полное понимание авторского замысла.

Правды ради нужно вспомнить, что и тогда уже стали появляться ловкие халтурщики и приспособленцы, переделывающие на революционный лад все, что можно, и все, что нельзя. Популярнейшее в то время стихотворение «Сакья Муни» я слышал и в таком варианте:

По горам среди ущелий
темных,
Где шумел осенний ураган,
Шла толпа людей бездомных
Пролетариев всех стран.

Конечно, это было приспособленчество. Но в это же время в первом на всем свете театре имени Ленина, организованном Саратовским губвоенкоматом, шли «Разбойники» Шиллера, «Дурные пастыри» О. Мирбо, «Рабочая слободка» Е. Карпова и первые советские пьесы — «Красная правда» Е. Вермишева и замечательно талантливая, смешная комедия Вяч. Шишкова «Мужичок».

Автор первой пьесы, комиссар Вермишев, был замучен и расстрелян белыми. Автор «Мужичка» стал одним из зачинателей большой советской литературы, одним из крупнейших советских писателей.

Если маленький провинциальный Саратов стал таким интересным в эти забываемые годы, то какое невероятное зрелище представляла собой Москва! Потрясенная Москва 20-го года, с ее ручными самодельными тележками вместо теперешних автомобилей. Москва с Иверской часовней у въезда на Красную площадь от Охотного ряда, с толпой ужасных, отвратительных нищих-профессионалов вокруг этой часовни, Москва с выставкой футуристической живописи, разчленившейся на Тверском буль-

варе от памятника Пушкину до того места, где сейчас памятник Тимирязеву.

Москва с ее зловещей Сухаревкой и чудесным Садовым кольцом, на всем своем протяжении заросшим вековыми липами и тополями.

В 20-м году уже взошла яркая звезда поэзии Маяковского и Есенина, хотя кумирами интеллигенции еще оставались Блок и Брюсов. Я шел по неузнаваемой сейчас Тверской около кафе «Домино» и обернувшись на близкий выстрел. Подтянутый, шикарный матросик, засовывая наган в кабуру, кричал: «Товарищи, заходите! Валерий Брюсов будет читать свои стихи!».

В клубах махорочного дыма, за чашками мскровного чая с сахаром сидели военные, студенты, матросы, длинноволосые поэты и лохматые комсомольцы, неожиданно элегантно и хорошо одетые девушки, а на эстраде стоял одетый в черный старомодный шюртук Валерий Брюсов и, разгладив нафабранные седые усы, читал стихи...

...Я не знаю, рассматривалась ли когда-нибудь научно и досконально обоснованно история развития мирового искусства и, следовательно, русского в прямой и непосредственной связи с историей революционных движений и революционных преобразований. Но эта непосредственная зависимость, эта прямая пропорциональность бросается в глаза каждому, кто живет жизнью народа, дышит воздухом своей страны и наблюдает ее искусство.

7 НОЯ 1963

ЗВЕСТИИ
МОСКВА